

МУЛЬТИМОДАЛЬНОСТЬ, ГИБРИДИЗАЦИЯ, КАРНАВАЛИЗАЦИЯ В ОРГАНИЗАЦИИ ТЕКСТА И УПЛОТНЕНИЕ ИНФОРМАЦИОННОГО ПОТОКА

Для цитирования: Гришаева Л. И. Мультиmodalность, гибридикация, карнавализация в организации текста и уплотнение информационного потока // Немецкая филология в Санкт-Петербургском государственном университете. 2022. Вып. 12. С. 66–101. <https://doi.org/10.21638/spbu33.2022.104>

Статья посвящена анализу способов проявления наиболее актуальных тенденций в организации текстовой ткани. Особое внимание уделяется креолизации как тенденции в организации текста, обеспечивающей его продуценту варьирование способами конденсирования информационного потока, объективируемого в тексте. На примере изучения способов содержательной, формальной, функциональной организации текстовой ткани, порождаемой с помощью средств разных культурных кодов, описывается функциональный потенциал отдельных текстограмматических механизмов вербализации разнообразных сведений о мире. Осмысляется влияние на организацию текста разнородных факторов, внешних и внутренних по отношению к порождаемому тексту. Анализируются причины, благоприятствующие последовательному возрастанию степени мультиmodalности текстов разного типа, которая фиксируется исследователями-текстологами по отношению к разным коммуникативным средам и разным форматам общения. Описываются отдельные техники организации текста, наиболее востребованные носителями языка и культуры при порождении текстов разного типа. Такие ярко проявляющиеся тенденции в организации текстов разного типа, как мультиmodalность (или креолизация), гибридикация, карнавализация и др., анализируются как комплементарные, как обуславливающие и поддерживающие друг друга, а также как способствующие уплотнению и структурированию информационного потока не только в конкретной интеракции между коммуникантами, но и в реализации политической, медийной и публичной агенды (повестки дня) как в одном культурном пространстве, так и в разных. Предлагается объяснение парадокса, выражающегося в стремлении максимально оптимизировать коммуникативный процесс за счет интенсивного обращения ко вторичным номинативным средствам. Этому способствует минимизация коммуникативных и когнитивных усилий коммуникантов, более или менее осознанно выбирающих в интеракции определенные средства реализации той или иной дискурсивной стратегии. В актуальных форматах общения продуценты текста предпочитают при решении различных номинативных задач отбирать из многочисленных и разнообразных изофункциональных средств вторичные номинативные, не без основания предполагая большую степень эффективности воздействия последних на реципиента из-за их экспрессивности, эмотивности, информационной насыщенности. Уплотнению информационного потока и его структурированию, т. е. быстрому,

продуктивному и эффективному осмыслению воспринимаемой реципиентом информации, очевидно, благоприятствует соактивация гетерогенных, гетеросубстратных, гетерохронных сведений о мире вторичными номинативными средствами.

Ключевые слова: тип текста, карнавализация, гибридизация, креолизация, содержательная, формальная, функциональная организация текста, объективация, активизация, соактивация сведений о мире, язык как культурный код, невербальные культурные коды, креолизованный (мультимодальный) текст.

L. I. GRISHAEVA

Voronezh State University

MULTIMODALITY, HYBRIDIZATION, CARNIVALIZATION IN TEXT ORGANIZATION AND COMPRESSION OF THE INFORMATION FLOW

For citation: Grishaeva L. I. Multimodality, hybridization, carnivalization in text organization and compression of the information flow. *German Philology in St Petersburg State University*, 2022, iss. 12, pp. 66–101.
<https://doi.org/10.21638/spbu33.2022.104> (In Russian)

This article analyzes manifestations of the most relevant trends in the organization of text structure. Special attention is paid to creolization as the tendency in the organization of the text, as it provides the producer of the text with varying ways of compression of information flow. The functional potential of individual textual mechanisms of verbalization of heterogeneous information about the world is described by looking at some examples of methods of semantic, formal and functional organization of the text generated by means of different cultural codes. The influence of heterogeneous factors, external and internal to the generated text, on the organization of the text is analyzed. The paper offers an interpretation of the reasons leading to a consistent increase in the degree of multimodality of texts of various types, which is noted by researchers in relation to different communicative environments and different communication formats. The author also describes individual techniques of textual organization which are intensively used by native speakers of the language and members of a culture when generating texts of different types. Such clearly manifested trends in the organization of texts of various types as multimodality (or creolization), hybridization, carnivalization, etc., are analyzed as complementary, as accounting for and supporting each other, as well as contributing to the consolidation and structuring of the information flow not only in specific interaction between communicants, but also in the implementation of political, media and public agenda both in a shared cultural space and in different cultural spaces. An explanation of the paradox expressed in the desire to optimize the communicative process as much as possible due to intensive use of secondary nominative means is proposed. This paradox is facilitated by minimizing the communicative and cognitive efforts of communicants who more or less consciously choose certain means of implementing a particular discursive strategy in interaction. In existing formats of communication, text producers prefer to select secondary nominative means from numerous and diverse isofunctional means when solving various

nominative tasks, not without reason assuming a greater degree of effectiveness of the impact on the recipient of secondary nominative means due to their expressiveness, emotivity and informational density. Compression and structuring of the information flow, i. e., rapid, productive and effective comprehension of the information perceived by the recipient is obviously stimulated by the coactivation of heterogeneous, hetero-substrate, heterochronous information about the world expressed by secondary nominative means.

Keywords: type of text, carnivalization, hybridization, creolization, semantic, formal and functional organization of the text, objectification, activation, coactivation of information about the world, language as a cultural code, non-verbal cultural codes, creolized (multimodal) text.

Вряд ли кто-либо поставит под сомнение утверждение, что текст, представляя собой содержательное, формальное, функциональное, интенциональное единство, фиксирует разнородными средствами культурных кодов результат взаимодействия между носителями языка и культуры, т.е. является коммуникативной единицей, членимой по разным основаниям на коммуникативные единицы меньшей сложности. Знание о подобном членении и рецепции этих коммуникативных единиц значимо не столько для лингвиста, изучающего особенности использования языка в процессах познания и коммуникации, т.е. принципы порождения коммуникативных единиц с помощью языковых средств и особенности их рецепции, сколько для так называемых наивных лингвистов, т.е. для носителей языка и культуры.

Поэтому в качестве **цели** исследования следует назвать анализ способов и средств достижения коммуникативных целей современными носителями языка и культуры, поскольку наблюдения над разными коммуникативными сферами свидетельствуют о существенных изменениях в том, как здесь и сейчас организуется взаимодействие между носителями культуры. Сказанное предполагает необходимость изучить, как различные актуальные тенденции, прослеживаемые по разным основаниям под статическим и динамическим углом зрения в различных коммуникативных сферах в семантической и синтаксической организации текста, обусловливают друг друга. Обозначенный ракурс исследования требует описать и то, **как** взаимовлияние разнородных факторов сказывается на процессе и результате взаимодействия с помощью разнообразных языковых средств между носителями языка и культуры, **чем** вызваны актуальные тенденции, столь явно проявляющие себя

в самых разных коммуникативных условиях в разных языковых культурах, **почему** они проявляются именно так, а не иначе.

Осмыслить обсуждаемые явления целесообразно на **материале креолизованных**, т. е. мультимодальных, или семиотически гетерогенных, текстов, которые Е. Е. Анисимова, одна из первых исследователей подобных образований, назвала текстами XXI в. [Анисимова 1999]. Креолизованные тексты, будучи яркими по форме, содержательно гибкими, аттрактивными и эффективными коммуникативными единицами, быстро и неудержимо расширяют сегодня сферу своего бытования и постоянно обогащают свой функциональный потенциал. Более того, в их организации значимыми и функционально нагруженными оказываются практически все наиболее существенные особенности использования в современном обществе языковых средств, причем подобные особенности свойственны разным типам креолизованных текстов, и благодаря этому коммуниканты реализуют различные дискурсивные стратегии и достигают разных коммуникативных целей (см. примеры ниже).

1. Актуальные тенденции в организации текстовой ткани

Анализ функционирования языка как средства познания и коммуникации, последовательно сочетающий перспективу в синхронии и диахронии при разборе особенностей использования разнообразных языковых средств в контексте факторов, внешних и внутренних по отношению к порождаемому тексту, позволяет обратить внимание на ряд обстоятельств.

Во-первых, нельзя не заметить, что пополнение лексикона — и прежде всего и главным образом отдельных его сегментов, — а также семантические преобразования в лексиконе (пейоризация или мелиоризация семантики, семантическая деривация и т. д.), разнообразные перегруппировки синонимических и/или антонимических, тематических рядов, развитие вторичных функций грамматических категорий и/или появление новых противочленов существующих в языке категорий и т. п. идут рука об руку с социокультурными преобразованиями в обществе носителей языка и культуры, с их потребностями. Упомянутые особенности, естественно, известны любому, кто изучал историю языка. Объяснить возникновение описанных явлений можно и тем, что носители

языка и культуры решают со временем все более сложные коммуникативные и когнитивные задачи, образцы решения которых фиксируются текстами того или иного типа.

В этом контексте целесообразно вспомнить тезис Р.Познера о значимости для хранения знаний о культуре интеракционных паттернов, т.е. образцов взаимодействия носителей языка и культуры, наряду с которыми он говорит о грамматикализации и образцах текстопорождения, способствующих хранению знаний о культуре в коллективной памяти общества и каждого носителя культуры: «С помощью приемов **порождения текста, ритуализации, жанрообразования, грамматикализации и моментуализации** любая культура хранит определенные образцы действий, которые подтвердили в процессе эволюции свою значимость» [Posner 2003: 65]. (Выделено Р.Познером. — Л.Г.) Он также подчеркивает: «Эти приемы представляют собой сильные информационные фильтры» [Posner 2003: 65], акцентируя вклад подобных информационных фильтров в коллективную память общества: «Культура как коллективная память является механизмом ее хранения и аппаратом селекции, а в биологическом отношении — средством выживания» [Posner 2003: 65]¹.

Поэтому, во-вторых, необходимо обратить внимание на то, что изменение форм проявления и существования языка гармонично согласуется с кардинальными изменениями в сфере функционирования языковых средств, выражающимися в постоянном расширении, обогащении, дифференциации функционального потенциала языка как средства познания и коммуникации и/или сопровождающимися названными процессами. Следствием этого становятся появление все новых типов текста и трансформация текстосемантической и текстосинтаксической структуры последних (см. подробнее: [Grischaewa 2020]).

Достаточно вспомнить в этой связи, например, появление и развитие технологий книгопечатания и интенсивный рост числа

¹ „Mit den Verfahren der **Textformulierung, Ritualisierung, Gattungsbildung, Grammatikalisierung und Monumentalisierung** speichert jede Kultur bestimmte Handlungsmuster, die sich im Lauf ihrer Evolution als wichtig erwiesen haben“ [Posner 2003: 65]. (Hervorgehoben von R. Posner. — Л. Г.); „Diese Verfahren sind ein starker Informationsfilter“ [Posner 2003: 65]; „Die Kultur als kollektives Gedächtnis ist ein Speichermechanismus und ein Selektionsapparat, biologisch eine Überlebensmaschine“ [Posner 2003: 65].

текстов разных типов, возникновение телеграфа и телеграммы как типа текста, разработка современных гаджетов и развитие СМС-текстов и текстов, бытующих в соответствующей компьютерно-опосредованной среде, которые постоянно трансформируются, в частности, и за счет возникновения и неуклонного совершенствования новых семиотических систем, участвующих в текстопорождении как в текстосемантическом, так и в текстосинтаксическом отношении.

В этой связи интересно сравнить историю эмотиконов и им подобных кодов, активно используемых в соответствующих форматах в двух из трех имеющихся сегодня коммуникативных сред: устной, письменной и компьютерно-опосредованной коммуникации, а также развитие новых морфологических форм — инфлективов, — пока еще специализирующихся только на компьютерно-опосредованной коммуникации, причем на отдельных форматах общения.

В-третьих, на актуальном этапе развития общества лингвотекстологи разных научных школ и направлений выделяют такие тенденции, имманентные текстам разного типа в разных языковых культурах, как медиатизация, креолизация, гибридизация, карнавализация, вариативность, подчеркнуто выраженная ориентация продуцента при порождении текста на реципиента с известными характеристиками и др. В пространстве текста конкретного типа перечисленные тенденции ярко проявляются то по отдельности, то в совокупности, будучи распознаваемыми по особенностям семантической, синтаксической, функциональной текстовой организации как на микро-, так и на макротекстовом уровне (см. детальный анализ взаимодействия упомянутых тенденций в [Гришаева 2020, особенно с. 6–13, 259–266]; ср. также: [Анисимова 2019; Бабенко 2009; Трошина 2009; Freudenberg-Findeisen 2016; Grischaewa 2020; Schmitz 2014; Text-Brücken... 2012] и мн. др.). В этом отношении не удивительно, что содержательная и формальная организация текста претерпевает серьезные преобразования, приводящие к проявлению таких тенденций, как перечисленные выше.

Гибридизация сопровождается диффузией текстотипологических границ между текстами того или иного типа, прослеживаемых по-разному на микро- и макроуровне текста. Текстотипологическую гибридизацию, по всей видимости, вполне правомерно связать с тенденцией к разрушению стилистических «границ», или

канонов, к разрыхлению стилистических норм, с проникновением научной терминологии в бытовую коммуникативную сферу, о чем так ярко писал в свое время Г. Дроздовский [Drosdowski 1988]. Не лишено оснований, по всей видимости, изучение текстотипологической гибридации в контексте взаимопроникновения традиций организации устной и письменной коммуникаций (что, вне всякого сомнения, требует специального пристального исследовательского внимания). Карнавализация проявляется в том числе и в проникновении средств выражения юмора в несвойственные ему ранее сферы, например в политическую коммуникацию, в научную или академическую среду, в дидактику и т. д. Семиотическая гетерогенность, или креолизация, становится все более привычной особенно сейчас, когда ярко выражена потребность получить максимум нужной реципиенту информации в единицу времени (а известно, что вербально и невербально закодированная информация имеет разную степень когнитивной сложности при ее обработке). Можно проследить повышение значимости образности как неотъемлемой составляющей текстовой ткани. Одной из характерных черт в организации текста является сознательное и/или неосознаваемое управление информационным потоком. Наблюдается конденсирование информации в актуальной интеракции, а именно выражение минимумом средств максимума сведений. Это, очевидно, способствует эффективности воздействия средств реализации интенции продуцента на реципиента, т. е., по сути, обеспечивает варьирование соотношением «содержание ↔ форма» за счет соактивации сведений о мире независимо от способа их объективации вербальными и/или невербальными средствами. В этой связи любопытно обратить внимание на организацию, например, текстов-максим и текстов-афоризмов, содержательным стержнем которых являются прецедентные феномены, актуализируемые и/или соактивируемые в коммуникации разными способами (цитированием, квазичитацией, аллюзией, игрой слов, перифразой и др.): *Alle Menschen werden Brüder. Bis auf die Schwestern* [Lange 2000: 99] — «Все люди станут братьями. Кроме сестер»; *Blick nach vorn. Die Zukunft klopft ans Tor. Wer getraut sich zu öffnen?* [Lange 2000: 126] — «Взгляд вперед. Будущее стучится в дверь. Кто решится отворить ее?»; *Der Lorbeerkrantz: ein geflochtenes Küchenkraut* [Lange 2000: 115] — «Лавровый венок: сплетен из приправ».

Для текстов разных типов, порождаемых в различных коммуникативных условиях коммуникантами с самыми разными характеристиками, можно назвать несколько общих тенденций в структурировании информационного потока в коммуникации, явно сказывающихся на текстосемантической и текстосинтаксической организации: **экономия** языковых средств; содержательная **лаконичность** высказывания; прогнозируемая продуцентом и корректируемая им в процессе взаимодействия **эффективность** воздействия на реципиента; **эмотивность** высказывания при сохранении его информативной содержательности и **креативности, аттрактивности**, достигаемых разными способами и через использование разнородных вербальных и невербальных средств. Показательными в этом отношении являются примеры, приведенные на рис. 1 и 2, порожденные в XX в., когда креолизованные тексты еще не были столь распространенным явлением, как сейчас. В этих примерах степень креолизации текста частична, если прибегнуть к терминологии Е. Е. Анисимовой [Анисимова 1999; 2013]. При такой степени креолизации без вербальной составляющей содержание текста в целом и иконической компоненты в частности осмысливается несколько или принципиально иначе.

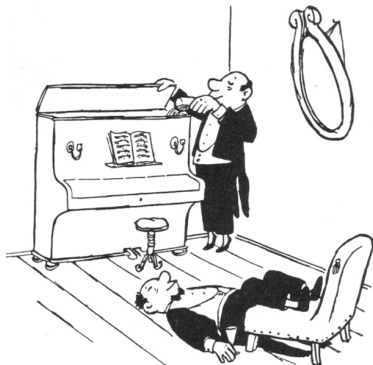
Характерно, что наряду с активизацией (объективацией) сведений о мире разными способами и с помощью вербальных и невербальных средств в примерах, приведенных на рис. 1 и 2, явно прослеживаются и иные тенденции, свойственные актуальным текстам разного типа. Обратить внимание следует в первую очередь на гибридизацию двух и более принципов текстосемантической и текстосинтаксической организации: здесь очевидна гибридизация социально-педагогического и информативного дискурса, социально-критического и бытового дискурса. Очевидной является также карнавализация, следствием и/или причиной которой можно признать интенсификацию проникновения юмора и сатиры в социально-критическую коммуникацию. Не в последнюю очередь требуется упомянуть и гибридизацию устной и письменной традиций в организации нарратива, а также гибридизацию текстов, бытующих в обыденной, социально-педагогической, искусствоведческой и научной коммуникации. См. способы описания картины (*der Herr im Vordergrund* — «господин на переднем плане»), синтаксическую структуру предложений-текстом, использование пассивных структур (*kann... abgeraten werden* — «можно

отсоветовать») и аналитических глагольно-именных конструкций (*kann... zur Folge haben* — «может иметь последствия»; *sollten... Gebrauch machen* — «надо бы прибегнуть к использованию»), явная адресация к реципиенту текста (*Ihnen, Sie, Ihres Selbstbewusstseins* и. а. — «Вам, Вы, Вашего самосознания»), предпочтение номинаций, типичных для письменной речи (*übertriebene Koketterie* — «излишнее кокетство»; *nachhaltige Schädigungen* — «возникшие повреждения»; *keine eindeutigen Hinweise für...* — «неясные отсылки»; *in zwingenden Fällen* — «в неотложных случаях»; *Ausdruck des korrekten Untergebenen* — «выражение корректного подданного» и т. д.), наличие (и обилие, учитывая объем текста) анафорических отсылок в ткани креолизованного текста, столь свойственных научным текстам разного типа (*oben, Abb. 3* — «выше, рис. 3»).

Естественно, важную роль как в организации текстовой ткани, так и в осмыслении содержания текста в целом играет и соотношение реального и виртуального, а также соотношение объективной и субъективной модальностей, выражаемых вербальными и невербальными средствами. Характерно, что виртуальная реальность, степень реализации которой интерпретируется носителями культуры как маловероятная, выражается невербальными средствами с семантикой реальности, а вербальные средства (индикативные глагольные формы (*trägt, 'несет'; verhält sich, 'ведет себя'; wird eingeladen, 'приглашен'*), модальные глаголы с семантикой возможности, вероятности, уверенности (*kann, sollten, 'может, должны'*), модальные слова (*kaum, 'едва ли'*), модальные наречия (*jedoch, 'однако'*), существительные той же семантики (*Möglichkeit, 'возможность'; Sicherheit, 'уверенность'*) и др.) представляют собой конвенциональные средства для выражения семантики реальности (объективная модальность) и семантики вероятности, возможности разной степени (субъективная модальность). Ситуации, подобные изображенным на рис. 1 и 2, реципиент оценивает как невозможные только в опоре на знания о мире и на интеракционные знания.

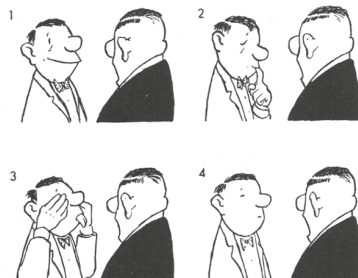
Столь явная стилистическая гетерогенность, несомненно, только усиливает юмористический и/или сатирический эффект соответствующих текстов и тем самым превращает последние в эффективное средство социальной критики разной степени остроты.

Все сказанное вместе убедительно свидетельствует о том, что в мультимодальном (креолизованном) тексте действительно одно-

Д Dieser Gastgeber (oben) verhält sich falsch, man gießt nur in fremden Wohnungen Bier ins Klavier. Der Herr im Vordergrund wird kaum wieder eingeladen. Er trägt eine schwarze Fliege zum Frack.

Рис. 1. Пример креолизованного текста [Loriot 1997: 19]²

Es gibt keine eindeutigen Hinweise für das Benehmen während einer Rüge vom Vorgesetzten. Mit Sicherheit kann Ihnen jedoch abgeraten werden, sich nach Abb. 1 zu verhalten. Übertriebene Koketterie (Abb. 2) kann nachhaltige Schädigungen Ihres Selbstbewußtseins zur Folge haben. Von der Möglichkeit nach Abb. 3 sollten Sie nur in zwingenden Fällen Gebrauch machen. Abb. 4 zeigt den sparsamen Ausdruck des korrekten Untergebenen.

Рис. 2. Пример креолизованного текста [Loriot 1997: 72]³

временно встречаются разные тенденции, актуальные для содержательной, формальной и функциональной организации текста в современном обществе: креолизация, карнавализация, гибридизация, а также конденсирование информации. Последнюю можно, по всей видимости, трактовать не только как причину, но и как следствие обозначенных выше тенденций. Конденсирование информации (или же уплотнение информационного потока) достигается, с одной стороны, соотношением в одной интеракции и/или в одном тексте разных способов объективации сведений о мире (разнородными языковыми средствами и разнообразными средствами разных невербальных кодов) и, с другой стороны, владе-

² «Это хозяин (вверху) ведет себя неправильно, в чужой квартире не наливают пиво в пианино. Господина на переднем плане едва ли пригласят еще раз в гости. У него повязана черная бабочка к фраку».

³ «В случае нагоняя от начальства нет однозначных рекомендаций для поведения. Однако совершенно определенно необходимо отсоветовать от того, как себя ведут на рис. 1. Чрезмерное кокетство (рис. 2) может привести к последующим негативным следствиям для Вашего чувства собственного достоинства. Только в чрезвычайных случаях Вы можете прибегнуть к образу действий, изображенному на рис. 3. Рис. 4 демонстрирует скупое выражение корректного подданного».

нием текстотипологическим знанием (Textsortenwissen), которое У. Фикс [Fix 2008] предложила учитывать при анализе процессов и результатов взаимодействия носителей языка и культуры наряду с традиционно выделяемыми тремя комплексами сведений: знанием о мире, языковым знанием, интеракциональным знанием.

Подобная трактовка представляется вполне закономерной и корректной, по крайней мере, соответствующей характеру современного общества. Последнему исследователи приписывают такие характеристики, как: постиндустриальное; информационное; коммуникационное; медийное; общество знаний; общество, насыщенное информационными технологиями; общество, ориентированное на знание; общество эмоционального проживания; общество риска и гедонизма и др. В этой связи см. лаконичный и предельно информативный анализ сути современного общества с учетом его наиболее значимых характеристик, причин их появления и проявления, социопсихологических и социокультурных последствий в кратковременном и долговременном масштабе, а также технологий, наиболее значимых для общества и его носителей, в [Tvasman 2006: 134–141, особенно с. 134, 135–136].

Вместе с тем анализ приведенных выше и приводимых ниже примеров побуждает последовательно учитывать при изучении порождения и рецепции текста контекст, образуемый системными, subsystemными и суперсистемными связями, в которых соответствующие тексты и порождаются, и воспринимаются (см. довольно подробный анализ в [Grischaewa 2020], см. также анализ аналогичной проблематики в [Adamzik 1995; Freudenberg-Findeisen 2016; Fix 2008; Text-Brücken... 2012] и мн. др.).

Системные для порождаемого и/или воспринимаемого текста связи, которые так или иначе влияют и на порождение, и на интерпретацию конкретного текста, — это, очевидно, связи, образуемые (1) между собой текстами одного типа, (2) на основе тематического единства между текстами разных типов, (3) между первичными и вторичными текстами разных типов. В описанных случаях важны разнородные факторы, внешние и внутренние по отношению к тексту (см. детальное описание влияния комплекса экзогенных и эндогенных обязательных и факультативных факторов на текстосемантическую и текстосинтаксическую организацию в [Гришаева 2020: 136–163, особенно с. 139–144, 152–154]). Связи описанного типа являются межтекстовыми, они прослеживаются по принци-

пиально иным основаниям, нежели интертекстуальные (о критериях разграничения межтекстовых и интертекстуальных связей см. подробнее в [Гришаева 2020]).

О субсистемных для текста связях правомерно говорить в том случае, если (1) анализируются текстосемантическая, текстосинтаксическая, функциональная организация конкретного текста; (2) описывается конфигурация внутритекстовых связей, выявляемых по разным основаниям (лексико-семантическим, словообразовательным, морфологическим, синтаксическим, текстограмматическим, формально-структурным, стилистическим, логическим), в результате воздействия которых текст становится когерентным; (3) выявляется соотношение обязательных и факультативных макрокомпонентов⁴ в тексте того или иного типа и др. При таком ракурсе исследования особую роль играют по понятным причинам эндогенные для текста факторы. В обозначенном контексте интересно напомнить о рассуждениях Л. А. Ноздриной относительно составляющих (структура темпоральная, модальная, персональная, референтная, локальная) так называемой семантико-смысловой структуры сообщения (текста), опираясь на которую, носители языка и культуры порождают и интерпретируют сведения, содержащиеся в сообщении (тексте) [Ноздринa 2009]. На данном уровне анализа речь идет о внутритекстовых связях, которые можно выявить в пределах текста, в частности и по интертекстуальным основаниям.

Для суперсистемных связей текста необходимо учитывать место и роль текста в коммуникации, а также тот факт, что текст представляет собой независимо от его трактовки (в широком или «традиционном» смысле) **способ фиксации осуществленной интеракции**. Суперсистемные связи устанавливаются между текстами разных типов, и на конфигурацию и мощность таких связей оказывают влияние экзогенные для текста факторы. Значимыми являются в первую очередь межтекстовые и интертекстуальные связи. Последние — в отличие от межтекстовых связей — прослеживаются главным образом по когнитивным основаниям, а их наиболее значимыми маркерами следует признать прецедентные феномены разной этиологии и разного типа, причем сведения, активируемые

⁴ О гетерогенных основаниях для разграничения макрокомпонентов как неотъемлемых компонентов текста и разнородных характеристиках последних см. в [Гришаева 2020, особенно с. 60–61, 96–98, 164–203].

и соактивируемые прецедентными феноменами, объективируются в коммуникации разными способами (ср. выше и ниже примеры из [Lange 2000]).

Анализ способов проявления перечисленных выше тенденций в организации текста убеждает в том, что влияние экзогенных и эндогенных факторов не может быть тождественным: ср. примеры на рис. 1 и 2 с рис. 3 и 4, а также с примерами текстов типа «максима» и «афоризм» из источника [Lange 2000].

Так, под влиянием внешних для текста факторов можно проследить уплотнение интертекстуальных связей в пределах и за пределами конкретного текста с сопутствующим конденсированием информации при тенденции к уменьшению материального объема текста. Имеет место также утрата стилистической гомогенности, а также увеличение доли средств выражения эмотивности и экспрессивности среди средств реализации когерентности; ср. рис. 1 и 2. Следствием этого можно признать расщепление определенного типа текста с последующей специализацией новых типов текста на реализации конкретных стратегий и/или особенности коммуникативной среды, а также вероятную специализацию содержательной и структурной организации текста определенного типа на характере коммуникативной среды (устная, письменная, компьютерно-опосредованная). Убедительные примеры охарактеризованных тенденций предоставляют, например, интернет-среда и традиционное медиапространство с его разнообразными форматами и типами текста.

Под влиянием внутренних для текста факторов можно выявить довольно значимые изменения способов установления когерентности, в частности: изменение соотношения вербальных и невербальных средств выражения текстовых категорий (см. рис. 1 и 2); изменение соотношения средств и способов активизации и соактивации сведений о мире, значимых в актуальном контексте, в пользу вторичных и неконвенциональных; а также изменение конфигурации внутритекстовых, межтекстовых и интертекстуальных связей в текстовом пространстве (см. рис. 3 и 4, а также примеры из [Lange 2000] выше и ниже).

Рассуждая о причинах отмеченного положения дел, необходимо иметь в виду (1) вклад разных культурных кодов в структурирование информационного потока в актуальных для конкретного коммуникативного акта условиях; (2) тенденцию к повышенному

вниманию коммуникантов к креативным решениям привычных для носителей культуры коммуникативных и когнитивных задач; (3) расширение набора возможностей при выборе средств и способов реализации определенной коммуникативной стратегии; (4) интенсификацию обращения к прецедентным феноменам⁵ в качестве номинативных средств и др. Это не может не отразиться на актуальных принципах организации текста, особенно в столь гетерогенной и востребованной сегодня коммуникативной среде, как медиапространство (см.: [Гришаева 2021]).

Последний параметр в обсуждаемом контексте, пожалуй, особо важен, поскольку прецедентные феномены в силу своих сущностных особенностей не утрачивают своей (информативной) значимости и экспрессивности при многократном повторении в коммуникации, не десемантизируются от повышения функциональной нагрузки в разных форматах общения или же от способа активизации прецедентного феномена в коммуникации (именование или аллюзия либо квазичитация, игра слов, перефразирование и пр.), например: *Zuverlässiger als der Frühling ist die Bürokratie: sie treibt immer Blüten* [Lange 2000: 62] — «Бюрократия надежнее весны: первая всегда расцветает»; *Was heutzutage als moderne Musik ausgegeben wird, drehten wir früher im Radio als Störungen weg* [Lange 2000: 112] — «То, что сегодня признается современной музыкой, раньше мы, слушая радио, устраняли как помехи».

Сохранение рациональной и эмоциональной значимости многократно используемых в коммуникации прецедентных феноменов объясняется, очевидно, тем, что они, во-первых, имеют устойчивую и постоянную связь с ценностными ориентациями, актуальными в конкретной культуре на протяжении многих поколений ее носителей. Во-вторых, прецедентные феномены как номинативные средства обозначают не один референт (будь то объект, субъект или же ситуация или положение дел), а некоторый сложно организованный фрагмент внеязыковой действительности, т.е. ком-

⁵ Вслед за Ю. Н. Карауловым прецедентными мы признаем феномены, которые, будучи вторичными семиотическими образованиями, (1) являются общеизвестными в языковой культуре; (2) активно используются многими поколениями носителей языка и культуры; (3) весьма значимы в рациональном и эмоциональном отношении. В силу этого их можно охарактеризовать маркерами культурной идентичности, позволяющими определять человека как носителя (или не-носителя) конкретной культуры [Караулов 1987].

плекс гетерогенных, гетерохронных, гетеросубстратных сведений о мире, хотя в материально-формальном отношении прецедентный феномен может представлять в конкретном коммуникативном пространстве одной лексемой (*Ходынка*), одной группой слов разной структуры (*Иван Сусанин; свобода, равенство, братство; энциклопедия русской жизни*), одним высказыванием-предложением разной структуры (*Надо, Федя, надо! Вот тебе, бабушка, и Юрьев день; Нью-Йорк — город контрастов; Человек человеку — друг*). Важно еще раз напомнить, что содержательно прецедентные феномены не сводимы к сумме значений своих составляющих, что каждый прецедентный феномен имеет свою четкую и устойчивую локализацию в ценностной картине мира соответствующего социума (см. подробный анализ в том числе и текстоорганизующих потенциалов прецедентных феноменов в [Гришаева 2021]).

Названные особенности прецедентных феноменов позволяют продуценту текста существенно уплотнять (конденсировать) информационный поток в коммуникации за счет использования минимума языковых средств и активизации ими сложно организованного комплекса гетерогенных, гетерохронных и гетеросубстратных сведений о мире вместо более или менее гомогенных сведений о номинируемом объекте; ср. номинативный потенциал прецедентного феномена *das Wunder von Bern* — «чудо в Берне» с номинативным потенциалом группы слов типа *победа в футбольном матче там-то и тогда-то*.

2. Способы (техники) структурирования информационного потока

Результат проявления актуальных тенденций в организации текста можно охарактеризовать двояко. С одной стороны, в культуре появляются и закрепляются новые способы решения привычных для коммуникантов коммуникативных и когнитивных задач, т. е. языковая культура однозначно обогащается. Тем самым коммуниканты располагают дифференцированным множеством решений коммуникативных задач в качестве более или менее равноправных альтернатив. С другой стороны, в коммуникации повышается рост неопределенности при интерпретации нового способа решения коммуникативной и когнитивной задач: какова позиция продуцента текста? Что именно он подразумевал, когда отказывал-

ся от привычного, конвенционального? Как именно надо реагировать адресату? То есть появляются новые факторы риска, осложняющие достижение взаимопонимания.

Наблюдения над способами уплотнения информационного потока приводят к мысли о том, что для соответствующей цели носители языка и культуры располагают на данный момент разными техниками. Так, выбор гиперонимов вместо гипонимов позволяет адресату не только варьировать степень абстрактности или конкретности информации, но и изменять точку зрения на номинируемую ситуацию и, например, дистанцироваться от сообщаемого. Обозначение «габаритов» ситуации, а не именование ситуации как таковой, т. е. активизация сведений о типе ситуации, а не ее идентификация по первичным признакам, предоставляет адресату возможность переключать внимание коммуниканта на иную тему, менять соотношение когнитивного фона и когнитивной фигуры, варьировать профилированием комплекса сведений о мире. Опора на знание, разделяемое всеми носителями языка и культуры, в том числе и апелляция к содержанию стереотипов сознания, позволяет адресату изменить соотношение знаний, объективируемых в интеракции, и знаний соактивируемых, но не объективируемых, и тем самым реализовать свое стремление к формальной экономии средств выражения сведений о мире при сохранении содержательности сообщения. Активизация разными способами межтекстовых и интертекстуальных связей в порождаемом тексте или же в коммуникации с неизбежностью погружает конкретное высказывание в более широкий контекст, чем первоначальный, и очевидно активирует явную связь порождаемого текста с другими текстами, серьезно обогащая тем самым его содержание. Интенсивное обращение к прецедентному знанию, которое не требует от коммуникантов перепроверять точность и надежность сведений о предмете обсуждения в силу общеизвестности прецедентного знания, а также обилие иных вторичных номинаций в актуальных текстах можно трактовать как возрастание роли инференции, когда реципиент активно вовлекается в структурирование информационного потока, в процессе установления взаимопонимания между коммуникантами в конкретных условиях.

Продуктивность и эффективность перечисленных техник структурирования информационного потока основывается, по всей видимости, на том, что каждый идентифицируемый в интер-

акции объект (в широком смысле) имеет некоторый набор разнородных и разнозначимых для носителей культуры признаков. При этом у каждого носителя языковой культуры имеется знание о признаках, первичных и/или вторичных, для идентифицирования объекта восприятия в разных перцептивных ситуациях. Выбор коммуникантом перспективы восприятия обуславливает мотив для номинации в конкретных условиях взаимодействия между носителями языка и культуры. Общность отдельных сегментов в ментальной структуре коллективной идентичности носителей культуры служит при этом очевидной основой для сопоставимой и/или аналогичной категоризации и концептуализации воспринимаемого в одних и тех же коммуникативных условиях, т. е. в конечном итоге для установления взаимопонимания между коммуникантами.

Другими словами, наблюдения над техниками структурирования информационного потока в актуальном психосоциокультурном контексте свидетельствуют о серьезных преобразованиях в организации текста на макроуровне. А это требует особого внимания к текстограмматическим механизмам вербализации сведений о мире, поскольку им подчинены все иные механизмы: лексико-семантические, словообразовательные, морфологические, синтаксические, формально-структурные, потенциально более тонко дифференцируемые по известным в лингвистике основаниям на более однородные подгруппы (см. подробнее: [Гришаева 2020: 21–74, особенно с. 26–32, 48–55, 56–64]). Выражаясь иначе, исследовательский интерес не может не сместиться с изучения средств и способов выражения текстовых категорий и способов достижения когерентности на микро- и макроуровне в текстах разного типа **на принципы сочленения макрокомпонентов текста в текстовом целом** и тем самым на принципы структурирования информационного потока в коммуникации.

Описанный ракурс изучения процесса и результата коммуникации побуждает обратить внимание на выбор из комплекса изофункциональных средств того или иного обозначения элементов внеязыковой действительности, т. е. номинаций для субъекта, объекта, признака, отношения между понятиями и/или пропозициями, состояния, действия, процесса, фазы процесса, ситуации либо комплекса ситуаций и т. д. Очевидно, что комплекс изофункциональных средств складывается из первичных или вторичных, из кон-

венциональных или нормативных, из устойчиво повторяющихся в определенных условиях или окказиональных, из узуальных или ненормативных номинативных средств, словом, из средств, активизирующих и объективирующих комплексы сведений о мире, различающихся в количественном и качественном отношении (см. подробную характеристику перечисленных явлений и процессов в [Гришаева 2020]).

Наблюдения над текстами разного типа, бытующими в разных коммуникативных средах, показывают, что в актуальных текстах продуценты парадоксальным⁶ образом отдают предпочтение вторичным номинативным средствам. Вторичными признаются традиционно такие средства, как единицы с переносным значением, фразеологические словосочетания, производные слова, трансформации тех или иных синтаксических конструкций и даже тексты [Бабина 2003]. Л. В. Бабина разграничивает концептуальную деривацию и вторичную репрезентацию уже существующих концептов в качестве когнитивной основы для обозначения известных объектов, для именованя иных объектов вопреки первичному номинативному потенциалу соответствующих средств. Главным, в ее понимании, становится вопрос о сущности вторичности в языке: «что заставляет человека использовать уже имеющиеся в языке средства для создания новых» [Бабина 2003: 3], из-за чего она предлагает изучать разнородные вторичные средства на общем теоретическом фундаменте как проявление концептуальной деривации в контексте изучения лингвокреативного мышления.

⁶ Парадоксальным подобное номинативное решение представляется потому, что оно принимается в ситуациях информационной неопределенности, которые сопровождаются порождением фейков, интенсивным обращением к различным техникам манипулирования, повышением акцентированного внимания к субъективной составляющей в коммуникации, изменением способов воздействия на адресата. Так, М. А. Кормилицына обращает внимание на отдельные характеристики актуальных медиатекстов: субъективизация, интерактивность, поликодовость. Она, в частности, подчеркивает: «...Происходит субъективизация медиатекстов, сопровождающаяся взаимопроникновением, сплавом различных жанров, которые скрепляются ярко выраженной авторской позицией журналиста. Автор оценивает событие, интерпретирует его, размышляет над выбором тех или иных средств выражения своих мыслей. <...> Основная цель авторов — продемонстрировать отношение к событиям, выразить абсолютную уверенность в справедливости выражаемого мнения. Такая убежденность, открытость самовыражения помогают автору эффективно воздействовать на читателя» [Кормилицына 2018: 113].

О необходимости учитывать и грамматические средства при изучении вторичной интерпретации мира говорит Н. Н. Болдырев. Специфику грамматических схем, моделей структурирования и интерпретации знаний и опыта как вторичных средств он усматривает «в их двоякой обращенности — к окружающему миру так, как он представлен в нашем сознании, и к миру языка в его системном и функциональном аспектам, тому, как знания о мире должны быть представлены в соответствии с законами вербальной коммуникации» [Болдырев 2021: 32]. Другими словами, и здесь речь идет, по сути, о необходимости изучать принципы структурирования информационного потока в коммуникации, чему и посвящена данная статья.

Анализ позволяет установить наряду с обилием вторичных номинативных средств довольно интенсивное обращение к прецедентным феноменам (см. подробный разбор причин и следствий отмеченного положения дел в [Гришаева 2021]). Одной из основных причин следует признать когнитивные особенности прецедентных феноменов как вторичных семиотических образований. Они активируют и соактивируют сложно организованный комплекс гетерогенных, гетерохронных, гетеросубстратных сведений о мире, сведения о цельном фрагменте внеязыковой действительности вкупе с однозначной отсылкой к ценностной картине мира, актуальной в соответствующей культурной среде; ср. мемы, ставшие (или становящиеся) прецедентными феноменами: *Они же дети!*; *Это другое*.

Примером и вместе с тем аргументом в пользу сказанного можно считать текст Б. Л. Ланге, строящийся на содержании нескольких прецедентных феноменов, активированных разными способами, и на активном использовании вторичных номинативных средств (иные способы достижения когерентности текста и воздействия на реципиента мы сознательно оставляем вне поля зрения) (разные способы активизации маркируются по-разному):

Die Zwei-Klassen-Gesellschaft

In Deutschland gibt es zweierlei Menschen.

Nein, nicht Ost- und Westdeutsche! Nun verabschieden Sie sich doch einmal von ~~Ihren Klischees~~, nein, Deutschland ~~teilt sich in zwei andere Lager~~, in eine Minderheit und eine Mehrheit, nein, nicht in Arme und Reiche, mein Gott, können Sie denn nur ~~in Schablonen denken!~~

*Ich meine jene, die in einer Talkshow reden, und jene, die zusehen.
Das ist unser Land [Lange 2000: 69]⁷.*

3. Функции вербального и невербальных кодов в креолизованном тексте

Интерес к соотношению вербального и невербальных культурных кодов на сегодняшнем этапе развития лингвистического знания, несомненно, чрезвычайно высок — достаточно ознакомиться с программами различных конференций, содержанием сборников научных трудов, а также с тематикой диссертационных исследований или проектов научных групп. Нельзя не отметить закономерный характер актуальности подобной проблематики. Частично такой живой интерес объясняется тем, что сегодня преобладает динамический подход к изучению языка, частично тем, что соответствующее знание, верифицированное научными процедурами, оказывается востребованным и в других науках, естественно, прежде всего в гуманитарных.

Размышляя над соотношением культурных кодов в интеракции того или иного типа, необходимо не упустить из виду одно непреложное положение: средства и вербального, и невербальных кодов являются по своей сути средствами реализации некоторой коммуникативной (дискурсивной) стратегии, направленной на достижение коммуникантами вполне определенной цели при их совместном решении конкретной коммуникативной и когнитивной задачи. (К сожалению, данное обстоятельство очень часто сознательно или неосознанно выносится за скобки при анализе соответствующего проблемного поля.) Поэтому, с одной стороны, в актуальных коммуникативных условиях коммуниканты могут выбирать то или иное средство из комплекса изофункциональных. Однако, с другой стороны, функциональные сферы того или иного культурного кода, его функциональный потенциал вряд ли даже теоретически могут трактоваться как идентичные или же взаимозаменяемые

⁷ «Двухклассовое общество. В Германии есть две категории граждан. Нет, совсем не “восточники” или “западники”! Откажитесь, наконец, от Ваших клише, нет же, Германия делится на два других лагеря, на большинство и меньшинство, да нет же, не на богатых и бедных, господа, неужели Вы не можете не думать шаблонами! Я имею в виду тех, кто говорит на ток-шоу, и тех, кто на них смотрит. Вот такова наша страна».

хотя бы в определенных коммуникативных условиях. Это, по всей видимости, обусловлено тем, что содержательная интерпретация кода в целом и/или его отдельных элементов, варьирование функционального потенциала и др. зависят не только от особенностей культуры и субкультуры, носителями которых являются коммуниканты, но и от особенностей личностной идентичности обоих субъектов познания и коммуникации, а также от креативности, столь охотно и все чаще проявляемой сегодня носителями языка и культуры в их деятельности.

Следовательно, изучить соотношение культурных кодов при динамическом ракурсе анализа можно только в деятельности, а именно учитывая особенности организации интеракции. Это предполагает осмысление самого процесса взаимодействия носителей языка и культуры, выбора ими стратегии взаимодействия. Последний, в свою очередь, обуславливает выбор способа решения коммуникативной и когнитивной задачи и, естественно, выбор вербальных и невербальных средств ее решения. При статическом ракурсе анализа исследовательские усилия направляются на выявление принципов организации текста того или иного типа, являющегося коммуникативным продуктом, фиксирующим средствами культурных кодов результат взаимодействия между носителями языка и культуры в некоторых коммуникативных условиях. Поэтому арифметический подход⁸ не может быть признан корректным уже потому, что в разных условиях в одном и том же типе интеракции соотношение между средствами вербального и невербальных кодов варьируется в зависимости от комплекса гетерогенных факторов, эндогенных и экзогенных для интеракции; ср. рис. 1–4.

Одной из причин отмеченного положения дел является то, что культурные коды **структурируют** не сам материальный мир, окружающий носителей языка и культуры, как это утверждается или суггерируется во многих случаях, а только **сведения** о мире, как они сложились в соответствующей культуре на данный момент в представлении конкретных носителей языка и культуры. Другими словами, каждый из коммуникантов **интерпретирует** мир

⁸ Ср. утверждения типа «80 % информации передается невербальными кодами» или «большая часть сведений в коммуникации кодируется невербально», когда меняются числа, но не меняется суть подхода к анализу соотношения культурных кодов при передаче информации в интеракциях того или иного типа.

и при порождении того или иного высказывания, и при рецепции воспринимаемых сведений, опираясь, естественно, на те ментальные образцы, которые интериоризованы им в процессе социализации в культурное пространство. Ср. утверждение Н. Н. Болдырева, считающего соотношение между языком и передаваемыми им смыслами ключевой проблемой языкознания [Болдырев 2021: 22]: «...любая языковая репрезентация мира является в то же время его интерпретацией» [Болдырев 2021: 23].

Однако данный аспект нельзя абсолютизировать, поскольку наличие в ментальной структуре личностной идентичности субъекта знаний, разделяемых всеми носителями одной и той же культуры, является непреложным условием и вместе с тем основой для установления взаимопонимания между носителями языка и культуры, несмотря на все различия в личностной идентичности каждого субъекта. Другими словами, в подобных случаях речь может идти о диалектике личностной и коллективной идентичности для каждого субъекта, а также о знаниях, значимых для коллективного субъекта. Так, Р. Познер утверждает: «О группах живых существ с одним и тем же строением тела, использующих по преимуществу одни и те же естественные коды, в биологии говорят, что они относятся к одному **виду**. О группах живых существ одного вида, хранящих одни и те же традиции (т. е. конвенциональные коды, используемые многочисленными поколениями), в гуманитарных науках говорят, что они принадлежат к одной **культуре**» [Posner 2003: 42]. (Выделено мною. — Л. Г.)

Понимая значимость такого фактора анализа, как субъект, и всего, что из этого вытекает, важно принимать во внимание соотношение перцепции и социальной перцепции в интеракции, поскольку названные процессы серьезно сказываются в количественном и качественном отношении на результатах обработки сведений о мире, т. е. в конечном итоге на результатах категоризации и концептуализации (см., например: [Болдырев 2019; Солсо 2002; Anderson 2001] и др.). Особое значение имеют в этой связи различные эффекты социальной перцепции не только для самих участников изучаемой коммуникации, но и для наблюдателя или исследователя. Отдавая должное влиянию фундаментальных процессов на течение и итоги взаимодействия носителей языка и культуры, не следует пренебрегать тем выводом, что процессы кодирования и декодирования сведений о мире не являются линейными, не могут быть

абсолютно конвертируемыми, потому что и кодирование, и декодирование также связаны с интерпретирующим сознанием субъекта познания и коммуникации, и, следовательно, они развиваются по своим законам. По этой причине целесообразно обращать внимание на диалектику эксплицируемого и имплицитного знания в интеракции, вербализуемых и невербально кодируемых сведений о мире, конвенциональных и идиостилистических решений коммуникантов на каждом из этапов взаимодействия в тех или иных коммуникативных условиях.

Следствием из сказанного становится необходимость охарактеризовать вклад каждого культурного кода в достижение цели в некоторых условиях, определяя это как серьезную теоретическую задачу. С этой точки зрения получается, что все средства объективации, активации и соактивации сведений о мире целесообразно разделить на три группы в зависимости от их вклада в конкретную интеракцию и/или организацию текста.

1. Средства для **номинации** (и/или **идентификации**) того или иного элемента действительности на основании первичных, вторичных, третичных и т.д. признаков, по которым этот элемент включается в культуру ее носителями в ту или иную ментальную категорию. Этот аспект значим уже только потому, что один и тот же элемент внеязыковой действительности в разных актах познания может подводиться под разные категории, в том числе и под аксиологическую. На этом основании в тексте выстраиваются цепочки из разнообразных обозначений, вклад которых в достижение когерентности текста хорошо изучен и детально описан на самом разном материале.

2. Средства для **модифицирования, структурирования** и/или **переструктурирования** комплекса сведений о мире, активируемых и соактивируемых, эксплицируемых и имплицитных в том или ином типе интеракции, актуальной для носителей языка и культуры. Целесообразность отмеченного аспекта описания базируется на том, что изофункциональные средства способны объективировать заведомо разные комплексы сведений о некотором элементе внеязыковой действительности, отличающиеся друг от друга в количественном и качественном отношении; ср.: *богатырь* — *Илья Муромец*, см. также рис. 1–4. Между тем выбор средства номинации (для объекта или субъекта, процесса или свойства, действия или ситуации и т.п.) не может не отразиться на тексто-

семантической и текстосинтаксической организации, в том числе и на развитии тема-рематической прогрессии, т. е. в конечном итоге на структурировании информационного потока в интеракции; см. выше пример из [Lange 2000: 69].

3. Средства для **варьирования** соотношением «когнитивная фигура — когнитивный фон», для **перспективизации** восприятия. Варьирование соотношением «когнитивный фон — когнитивная фигура» сопровождается варьированием соотношений «имплицитное — эксплицитное», «объективируемое в коммуникации — соактивируемое». Это приводит к изменению параметров когнитивных фильтров, т. е. к варьированию качественных характеристик рамок восприятия, сквозь которые селектируются сведения, подлежащие когнитивной обработке. В результате меняется итог профилирования активированной совокупности сведений о мире, т. е. результат категоризации и концептуализации воспринимаемых сведений и профилирования активированного комплекса сведений о мире.

Принимая во внимание высказанные соображения, статус средств культурного кода — вербальные или невербальные средства — оказывается для рассуждений менее значимым, нежели их специализация на той или иной коммуникативной и когнитивной задаче и степень их эффективности в процессе коммуникации и/или при порождении и рецепции текста.

Однако исследовательская задача осложняется тем, что до сих пор не прояснено соотношение отдельных культурных кодов с частями культуры: материальной, духовной, интеракциональной, а также степень обязательности или факультативности такого рода связи. Но подобные сведения необходимы не столько для того, чтобы расставить приоритеты в исследовании, сколько для прояснения **вклада** того или иного кода в **достижение цели** при решении определенной коммуникативной и когнитивной задачи.

Насколько сложной является подобная исследовательская задача, будет понятно, если осознать отсутствие четких, научно выверенных процедур определения того, какие элементы действительности становятся компонентами некоторого культурного кода, а какие — нет. Сюда же следует отнести и нередко практикуемый неправомерный перенос результатов исследования в одной культуре и/или полученных обобщений на аналогичные условия в другой культуре.

Изучение соотношения культурных кодов в организации текстов разного типа имеет довольно длительную историю и практически исчерпывающе предоставляет данные о детально и под разными углами зрения описанных отношениях между разнородными языковыми и невербальными средствами: отношениях дополнения, замещения, иллюстрирования или же полной либо частичной креолизации [Анисимова 1999; 2019; Schmitz 2014; и мн. др.]. Тем не менее нельзя не учитывать, что способы фиксации культурно значимого знания могут быть первичными или вторичными, а взаимозаменяемость кодов в интеракции — возможной, невозможной, вероятной, прогнозируемой или неожиданной.

Поэтому в актуальных условиях при изучении принципов организации текста корректнее говорить о **степени** мультимодальности (креолизации) текстов определенного типа, т.е. о степени семиотической гетерогенности текста конкретного типа. Аргументами в пользу подобной трактовки являются актуальные тексты из разных сегментов коммуникации, в которых невербальные способы сообщения информации реципиенту становятся все более функционально нагруженными — достаточно вспомнить проникновение в научную среду компьютерных презентаций к докладам ученых разных поколений или же такой тип текста, как докудрама.

Размышляя о соотношении вербального и невербального как в коммуникации, так и в тексте, следует помнить, что язык как семиотическая система присутствует практически в любой реализуемой интеракции, в любом типе текста. Эта система знаков так или иначе используется в непосредственной и опосредованной коммуникации, т.е. даже новые коммуникативные среды ни в одном формате общения не могут обойтись без языковых средств. Язык, будучи сложно организованной семиотической системой, обладает чрезвычайно богатым и дифференцированным функциональным потенциалом как код в целом, что касается также каждого из его отдельных элементов. Разнообразные языковые средства эксплицируют конкретную и абстрактную информацию, передают сведения о реальной и виртуальной действительности, о любом из возможных миров. Нельзя упускать из виду, что при необходимости любая невербально закодированная информация может быть вербализована, т.е. объективирована механизмами вербализации, которыми владеют все носители соответствующей языковой культуры. Наконец, вербализуется коммуникативно ре-

левантная информация — по крайней мере, так полагает хотя бы один из коммуникантов, порождающий текст, какого бы типа ни был последний.

Принимая во внимание богатый и тонко дифференцированный функциональный потенциал языка как средства познания и коммуникации, целесообразно подчеркнуть отдельные функции языковых средств. В частности, в языке как семиотической системе имеются средства, которые специализируются на:

- именовании элементов внеязыковой действительности: объектов и их множеств, отдельных субъектов и их множеств, признаков, свойств, характеристик, процессов, действий, явлений, событий, отношений, ситуаций, комплексов ситуаций, цельных фрагментов внеязыковой действительности, возможных миров и пр.;
- выражении отношений между понятиями, ситуациями, признаками, фрагментами целого в том или ином контексте;
- ориентации субъектов или объектов во внеязыковой или виртуальной действительности;
- идентификации, классификации или характеризации субъектов или объектов реальной конкретной культуры и/или одного из возможных миров;
- экспликации результатов внеязыковой деятельности, реализуемой носителями реальной и/или виртуальной культуры;
- фиксации культурно релевантного знания и его трансляции для последующих поколений;
- воздействии на коммуникантов в том или ином плане, на более или менее явном регулировании взаимодействия носителей культуры; и др.

Тем самым очевидно, что более или менее адекватно интерпретировать соотношение вербального и невербального в коммуникации и/или креолизованном тексте можно только тогда, когда будут накоплены научно верифицированные знания о том:

- насколько изофункциональны вербальные и невербальные средства при решении коммуникантами определенной коммуникативной и когнитивной задачи в исчисляемых и определенных условиях;

- что вербальные и невербальные средства не только фиксируют, но и активируют, объективируют и соактивируют сведения о мире;
- что не все знания о мире, необходимые для осмысления ситуации, эксплицируются в коммуникации (в интеракции или в тексте) средствами культурных кодов;
- что осмысление ситуации, категоризация и концептуализация воспринимаемых сведений происходят в опоре на весь комплекс сведений, хранящийся в картине мира обоих коммуникантов, а не только в опоре на сведения, объективированные средствами кодов;
- что вербальные средства объективируют **коммуникативно значимую** информацию, но и вместе с тем соактивируют, не эксплицируя в акте коммуникации, сведения, без которых нельзя взаимодействовать с партнером по коммуникации;
- что невербальные средства модифицируют, профилируют коммуникативно значимые сведения, объективируемые разнородными средствами вербального культурного кода; и т. д.

Сегодняшние тенденции, в особенности проникновение невербальных кодов в «традиционные» типы текста и форматы общения в устной и письменной коммуникации (в учебники, в научные статьи, в политический комментарий, в публицистические форматы общения, в официальные интервью и пр.), можно объяснить потребностью современного общества в быстром обращении информации в культурном пространстве, в моментальном получении обратной связи с реципиентом. Определенные причинные связи можно проследить между креолизацией и гибридизацией разных типов текста, между креолизацией и карнавализацией. Другими словами, все актуальные тенденции в организации текстов разного типа в той или иной мере **комплементарны** по отношению друг к другу. Креолизация, вероятно, закономерным образом приводит к увеличению доли невербальных средств в текстах разного типа: эмодиконов, инфлективов в компьютерно-опосредованной коммуникации; таблиц, схем, графиков, диаграмм, рисунков в письменной коммуникации и пр.

По всей видимости, перечисленные тенденции обусловлены такими особенностями современных социумов, как высокая доля **субъективизации** общества и связанное с ней повышение значи-

мости **интерпретативности** как потенциальной множественности прочтений воспринимаемой информации разными субъектами. Следствием из обозначенной связки тенденций можно признать **потребность в солидаризации** с малыми группами, в консолидации отдельных субъектов в пределах малой группы, которые, в свою очередь, возможно, обусловлены тенденцией к атомизации общества, причем не столько на отдельные личности, сколько на малые группы, о чем свидетельствует сегодняшняя психосоциальная структура интернет-сообщества.

Рис. 3. Пример бытовой коммуникации (из личного архива автора)

Рис. 4. Пример дидактической (педагогической) коммуникации (из личного архива автора)

Примеры, приведенные на рис. 3 и 4, весьма информативны для носителей не только немецкой, но и других культур. Из этих креолизованных текстов разных типов, бытующих в разных коммуникативных средах и служащих реализации разных дискурсивных стратегий, реципиент извлекает значительный объем разнородных сведений не только о времени, но и о традиционно используемых в конкретный период предметах, об их символике, о сути события, о котором идет речь в креолизованных текстах, о локализации этого события в пространстве и времени, а также в системе ценностей, в картине мира коллективного субъекта как носителя немецкого языка и культуры. Кроме того, тексты содержат сведения

о действиях, выполняемых определенными категориями носителей культуры в конкретные дни, а также раскрывают ценностные ориентации, актуальные и традиционно рационально и эмоционально значимые для носителей культуры, для их социализации в «свою» культуру, весьма релевантные для межпоколенческой континуальности и субкультурной интеграции в культуру в целом. К тому же по особенностям организации данных текстов можно судить и о времени их порождения — конец XX в., а не первая четверть XXI в., о чем свидетельствуют традиционные символы Рождества и средства реализации номинативной стратегии прямой идентификации.

Вместе с тем интересно отметить и то, что изучающие немецкий язык в подобных случаях знакомятся также с конвенциональными обозначениями предметов, обязательно участвующих в соответствующих обрядах и ритуалах, с конвенциональными фразами, проговариваемыми по тому или иному поводу и пр. Другими словами, креолизованные тексты активируют и соактивируют те сведения, которые в «традиционных» текстах не объективируются в таком объеме и/или доступ к которым для носителей иных культур весьма затруднителен и/или неочевиден. Реципиенты текстов извлекают, таким образом, из малого по объему креолизованного текста максимум информации о существенных фрагментах картины мира, т. е. креолизованные тексты действительно способны существенно конденсировать информацию, не утрачивая при этом своей аттрактивности, эмоциональной привлекательности и эффективности, а также оставаясь несложными для когнитивной обработки реципиентом. (Ср. многоаспектный комплексный семиологический и текстограмматический анализ пяти креолизованных текстов разных типов, порожденных на одну тему, по одному поводу, в один и тот же период времени, в [Гришаева 2020: 143–150].)

Выражаясь иначе, изучение языка тесно и причинно сопряжено с социализацией субъекта в соответствующую языковую культуру, т. е. с формированием и трансформированием структуры идентичности единичного субъекта, и как следствие — со структурой коллективной идентичности и нормами ожидания как комплекса знаний, разделяемых всеми носителями языка и культуры. Ясно, что ментальная репрезентация идентичности некоторого субъекта предполагает наличие у него в соответствующей структуре совокупности схем различных типов интеракций, сложившихся

в ходе инкультурации и/или аккультурации субъекта идентификации. Это интеракционный опыт соответствующей культуры, который тесно связан с комплексами знаний о мире и языковых знаний. Носитель языка и культуры, овладевая культурно специфическими схемами интеракций, научается варьировать соответствующими вариантами осуществления интеракции в зависимости от изменяющегося социокультурного контекста, в котором реализуется интеракция, а также учится варьировать и языковыми средствами при решении той или иной коммуникативной и когнитивной задачи.

А поскольку особенности использования языка входят в ядерную часть личностной и коллективной идентичности единичного и коллективного субъектов, сказанное означает следующее. Любой носитель языка и культуры в той или иной мере успешно научается в процессе своей инкультурации владеть (1) когнитивными стратегиями, присущими конкретной языковой культуре; (2) номинативными стратегиями, принятыми в конкретной лингвокультуре; (3) дискурсивными стратегиями, реализуемыми в лингвокультуре одной из множества потенциально вероятных номинативных стратегий; а также (4) умеет в конкретных коммуникативных условиях соотносить номинативные стратегии с дискурсивными, решая когнитивные задачи максимально успешным образом. Поэтому носитель языка и культуры становится по мере обогащения своего коммуникативного опыта более гибким и в когнитивном, и в коммуникативном отношении.

Следовательно, современный носитель языка и культуры со временем может себе позволить такую коммуникативную и когнитивную роскошь, как уплотнение, конденсирование информационного потока — тем более что этого требует характер информационного общества, в котором скорость обращения знаний существенно увеличивается, требуя развития новых техник сообщения информации. Последнее становится очевидным импульсом для изменения принципов семантической, синтаксической, функциональной организации текста любого типа, а также стимулом для выбора средств и способов объективации сообщаемых сведений, которые были бы экспрессивны, рационально и эмоционально значимы, эффективны, лаконичны и функционально максимально адаптивны.

4. Выводы

Сегодня креолизация, т.е. мультимодальность, или семиотическая гетерогенность, является очевидной и даже ярко выраженной тенденцией в организации текста, которая благоприятствует появлению новых способов семантической, синтаксической, функциональной организации текстов разного типа. Наличие в текстовой ткани знаков разных семиотических систем и синхронная реализация их специфических потенций в одном текстовом пространстве позволяет оптимально — по крайней мере, с точки зрения продуцента текста — решать стоящую перед ним конкретную коммуникативную и когнитивную задачу, максимально адаптируя свою деятельность как под актуальные коммуникативные условия, так и под потребности своего партнера по коммуникации.

Возможность выбирать между мономодальными и полимодальными способами организации текста, которые современная языковая культура предоставляет продуценту, позволяет последнему предпочитать такие средства решения коммуникативных и когнитивных задач, которые в языковой культуре признаются экономными, содержательно вариативными, эффективными, т.е. оптимальными и облегчающими продуктивное взаимодействие даже в не самых благоприятных коммуникативных условиях.

По сравнению с «традиционными», т.е. с семиотически гомогенными, способами организации текстовой ткани мультимодальные воспринимаются как креативные, обеспечивающие коммуникантам быстрое и надежное достижение коммуникативных целей. Мультимодальные средства и способы структурирования информационного потока надежно обеспечивают варьирование соотношением когнитивного фона и когнитивной фигуры при профилировании актуально воспринимаемого комплекса сведений о мире.

Тем же целям, т.е. структурированию информационного потока и в конечном итоге конденсированию информации, служит и предпочтение вторичных номинативных средств первичным. Использование для конденсирования информации таких вторичных средств, как прецедентные феномены, реализует следующие текстоорганизующие функции:

- **варьирование** соответствующего текста в семантическом, формальном и функциональном отношении;

- установление и/или активизация и соактивация внутритекстовых, межтекстовых и интертекстуальных связей как по уже известным в культуре, так и по новым основаниям. Это сопровождается объективацией и соактивацией дополнительных и, как правило, конвенционально не эксплицируемых сведений о сообщаемом в коммуникации;
- **переакцентуация** в тексте известного и нового, коммуникативно релевантной и несущественной информации, выдвигание на первый план конвенционально «несущественных» для интеракции сведений о мире;
- **переструктурирование** информационного потока здесь и сейчас, облегчающее реципиенту членение воспринимаемой информации. За счет этого имеют место выделение информации, релевантной для коммуникации здесь и сейчас, т.е., по сути, **конденсирование** информации, сообщаемой в актуальном акте познания и коммуникации, уплотнение информации и тем самым **облегчение** для реципиента когнитивных и коммуникативных усилий и в конечном итоге потенциальная **оптимизация** взаимодействия между носителями языка и культуры.

Обсуждаемая проблема относится, по своей сути, к вечным, поскольку коммуникация между людьми, в сущности, мультимодальна. В условиях современного информационного общества эта проблема выдвигается на авансцену, так как коммуниканты заинтересованы в таком способе сообщения знаний, который облегчал бы им распознавание когнитивно и коммуникативно релевантной информации, оптимизировал бы тем самым процесс адекватного актуальным условиям восприятия и обработки сведений о мире, способствовал бы снятию информационной неопределенности и делал бы взаимодействие коммуникантов максимально комфортным, не провоцирующим когнитивный диссонанс.

Список источников иллюстративного материала

- I. *Lange B.-L.* Es bleibt alles ganz anders. Deutsch-deutsche Wunderlichkeiten. Stuttgart-Leipzig: Hohenheim Verlag, 2000. 126 S.
- II. *Loriot.* Menschen. Tiere. Katastrophen. Stuttgart: Philipp Reclam jun., 1997. 160 S.

Литература

1. *Анисимова Е. Е.* Креолизованные тексты — тексты XXI века? Взаимодействие вербального и паралингвистического в тексте. Воронеж: ЦЧКИ, 1999. 148 с.
2. *Анисимова Е. Е.* Лингвистика текстов и межкультурная коммуникация (на материале креолизованных текстов). М.: Academia, 2013. 122 с.
3. *Анисимова Е. Е.* Религиозный дискурс: функциональный и антропологический аспекты. М.: ФГБОУ ВО МГЛУ, 2019. 122 с.
4. *Бабенко Н. С.* Textsortenlinguistik vs лингвистическое жанроведение // Русская германистика. Ежегодник российского Союза германистов. Т. 5. М.: Языки славянской культуры, 2009. С. 235–244.
5. *Бабина Л. В.* Когнитивные основы вторичных значений в языке и речи. Тамбов; М.: Изд-во ТГУ им. Г. Р. Державина, 2003. 264 с.
6. *Болдырев Н. Н.* Язык и система знаний. Когнитивная теория языка. М.: Изд. дом ЯСК, 2019. 480 с.
7. *Болдырев Н. Н.* Грамматические схемы вторичной интерпретации мира // Вопросы когнитивной лингвистики. 2021. № 4. С. 22–34. <https://doi.org/10.20916/1812-3228-2021-4-22-34>
8. *Гришаева Л. И.* Варьирование текста в коммуникации. Воронеж: Наука-Юнипресс, 2020. 291 с.
9. *Гришаева Л. И.* Закономерное и случайное при варьировании текстов с прецедентными феноменами // Русская германистика: Ежегодник Российского союза германистов. Т. 18: Литература, идентичность и история в немецкоязычном пространстве. М.: Флинта, 2021. С. 339–366.
10. *Караулов Ю. Н.* Русский язык и языковая личность. М.: Наука, 1987. 263 с.
11. *Кормилицына М. А.* Медиатекст в современном коммуникативном пространстве // Жанры и типы текста в научном и медийном дискурсе. Вып. 15. Орел, 2018. С. 107–114.
12. *Ноздрина Л. А.* Интерпретация художественного текста. Поэтика грамматических категорий. М.: Дрофа, 2009. 252 с.
13. *Солсо Р. Л.* Когнитивная психология. М.: Тривола; Либерия, 2002. 600 с.
14. *Трошина Н. Н.* Смешение текстовых моделей как прием в рекламном дискурсе // Русская германистика. Ежегодник российского Союза германистов. Т. 5. М.: Языки славянской культуры, 2009. С. 334–339.
15. *Adamzik K.* Textsorten — Texttypologie. Eine kommentierte Bibliographie. В. 12. Münster: Nodus Verlag, 1995. 301 S.
16. *Anderson J. R.* Cognitive Psychology. Heidelberg — Berlin: Spektrum: Akademischer Verlag, 2001. 542 S.
17. *Drosdowski G.* Ist unsere Sprache noch zu retten? Mannheim; Wien; Zürich: Dudenverlag, 1988. 24 S.

18. *Fix U.* Texte und Textsorten — sprachliche, kommunikative und kulturelle Phänomene. Berlin: Frank & Timme, 2008. 506 S.

19. *Freudenberg-Findeisen R.* (Hg.) Auf dem Weg zu einer Textsortendidaktik. Linguistische Analyse und text(sorten)didaktische Bausteine nicht nur für den fremdsprachlichen Deutschunterricht. Hildesheim; Zürich; New York: Georg Olms Verlag, 2016. 308 S.

20. *Grischaewa L. I.* Homo ludens, Fake News und Text, oder warum ändern sich die Textgestaltungsprinzipien? // *Русская германистика: Ежегодник Российского союза германистов*. Т. 17: Типология текстов и дискурсивные практики в немецкоязычном культурном пространстве. М.: Флинта, 2020. С. 24–47.

21. *Posner R.* Kultursemiotik // *Konzepte der Kulturwissenschaften*. Hrsg. von Ansgar Nünning und Vera Nünning. Stuttgart, Weimar: Verlag J. B. Metzler, 2003. S. 39–72.

22. *Schmitz U.* Kohärenz in Text-Bild-Sorten: Grammatik & Design. // *Субъект познания и коммуникации: языковые и межкультурные аспекты*. Воронеж: Наука-Юнипресс, 2014. С. 226–244.

23. Text-Brücken zwischen den Kulturen. Festschrift zum 70. Geburtstag von Bernd Spillner. Hrsg. von Nadine Rentel und Elisabeth Venohr. Frankfurt am Main, Berlin, Bern, Bruxelles, New York, Oxford, Wien: Peter Lang, 2012. 513 S.

24. *Tvasman L.* Informationsgesellschaft [information society] // *Leon R. Tvasman (Hrsg.) Das große Lexikon. Medien und Kommunikation*. Würzburg: Ergon-Verlag, 2006. S. 134–141.

References

1. Adamzik K. *Textsorten — Texttypologie. Eine kommentierte Bibliographie*. B. 12. Münster, Nodus Verlag, 1995, 301 S.

2. Anderson J. R. *Kognitive Psychologie*. Heidelberg — Berlin, Spektrum: Akademischer Verlag, 2001, 542 S.

3. Anisimova E. E. *Are creolised texts the texts of the 21st century? Interaction of verbal and paraverbal elements in the text*. Voronezh, CCHKI Publ., 1999, 148 p. (In Russian)

4. Anisimova E. E. *Linguistics of texts and intercultural communication (case study of creolised texts)*. Moscow, Academia Publ., 2013, 122 p. (In Russian)

5. Anisimova E. E. *Religious discourse: functional and anthropological aspects*. Moscow, MGLU Publ., 2019, 122 p. (In Russian)

6. Babenko N. S. Textsortenlinguistik vs linguistics research of genres. *Russkaia germanistika. Ezhegodnik Rossiiskogo Soiuza germanistov*. T. 5: *Tipologiya tekstov novogo vremeni*. Moscow, Iazyki slavianskoi kul'tury Publ., 2009, pp. 235–244. (In Russian)

7. Babina L. V. *Cognitive bases of secondary meanings in language and speech*. Tambov, Moscow, Isd-vo TGU im. G. R. Derzhavina Publ., 2003, 264 p. (In Russian)

8. Boldyrev N.N. *Language and System of Knowledge. The Cognitive Theory of Language*. Moscow, Izd. dom IaSK Publ., 2019, 480 p. (In Russian)
9. Boldyrev N.N. Grammatical schemes of secondary interpretation of the world around us. *Voprosy kognitivnoi lingvistiki*, 2021, no. 4, pp. 22–34. (In Russian) <https://doi.org/10.20916/1812-3228-2021-4-22-34>
10. Drosdowski G. *Ist unsere Sprache noch zu retten?* Mannheim, Wien, Zürich, Dudenverlag, 1988, 24 S.
11. Fix U. *Texte und Textsorten — sprachliche, kommunikative und kulturelle Phänomene*. Berlin, Frank & Timme, 2008, 506 S.
12. Freudenberg-Findeisen R. (Hg.) *Auf dem Weg zu einer Textsortendidaktik. Linguistische Analyse und text(sorten)didaktische Bausteine nicht nur für den fremdsprachlichen Deutschunterricht*. Hildesheim, Zürich, New York, Georg Olms Verlag, 2016, 308 S.
13. Grishaeva L.I. *Variation of texts in communication*. Voronezh, Nauka-Iunipress Publ., 2020, 291 p. (In Russian)
14. Grishaeva Ljudmila I. Homo ludens, Fake News und Text, oder warum ändern sich die Textgestaltungsprinzipien? *Russkaja germanistika: Ezhegodnik Rossiiskogo soiuza germanistov. T. 17: Tipologija tekstov i diskursivnye praktiki v nemetskoiazыchnom kulturnom prostranstve*. Moscow, Flinta Publ., 2020, pp. 24–47.
15. Grishaeva L.I. Regular and random in variation of texts with culturally significant phenomena. *Russkaia germanistika: Ezhegodnik Rossiiskogo soiuza germanistov. T. 18: Literatura, identichnost' i istoriia v nemetskoiazыchnom prostranstve*. Moscow, Flinta Publ., 2021, pp. 339–366. (In Russian)
16. Karaulov Iu.N. *The Russian Language and the Language Identity*. Moscow, Nauka Publ., 1987, 263 p. (In Russian)
17. Kormilicyna M. A. Media text in modern communication. *Zhanry i tipy teksta v nauchnom i mediinom diskurse*. Vyp. 15. Oryol, 2018, pp. 107–114. (In Russian)
18. Nosdrina L. A. *Interpretation of the literary text. Poetics of grammatical categories*. Moscow, Drofa Publ., 2009, 252 p. (In Russian)
19. Posner R. Kultursemiotik. *Konzepte der Kulturwissenschaften*. Hrsg. von Ansgar Nünning und Vera Nünning. Stuttgart; Weimar, Verlag J.B. Metzler, 2003, S. 39–72.
20. Schmitz U. Kohärenz in Text-Bild-Sorten: Grammatik & Design. *Sub"ekt poznaniia i kommunikatsii: iazykovye i mezhkul'turnye aspekty*. Voronezh, Nauka-Iunipress Publ., 2014, pp. 226–244.
21. Solso R.L. *Cognitive Psychology*. Moscow, Trivolta Publ.; Liberiia Publ., 2002, 600 p. (In Russian)
22. *Text-Brücken zwischen den Kulturen. Festschrift zum 70. Geburtstag von Bernd Spillner*. Hrsg. von Nadine Rentel und Elisabeth Venohr. Frankfurt am Main; Berlin; Bern; Bruxelles; New York; Oxford; Wien; Peter Lang, 2012, 513 S.

23. Troshina N.N. Mixture of text models as a means of creating advertisements. *Russkaia germanistika. Ezhegodnik Rossiiskogo soiuzа germanistov. T. 5.* Moscow, Iazyki slavianskoi kul'tury Publ., 2009, pp. 334–339. (In Russian)

24. Tvasman L. Informationsgesellschaft [Information society]. Leon R. Tvasman (Hrsg.) *Das große Lexikon. Medien und Kommunikation.* Würzburg, Ergon-Verlag, 2006, S. 134–141.

Гришаева Людмила Ивановна

профессор кафедры немецкой филологии Воронежского государственного университета, доктор филологических наук

Адрес: Российская Федерация, 394006, Воронеж, Университетская пл., 1

Liudmila I. Grishaeva

Full Professor of German Philology Department, Voronezh State University,

Doctor of Philological Sciences

Address: 1, Universitetskaya pl., Voronezh, 394006, Russian Federation

E-mail: grishaewa@rgph.vsu.ru

Статья поступила в редакцию 8 января 2022 г.

Принята к публикации 26 апреля 2022 г.